

Шепилева О. Е. Отражение фонетических особенностей диалектной речи старожилов Крайнего Северо-Востока России в историко-этнографических текстах / О. Е. Шепилева // Научный диалог. — 2019. — № 3. — С. 147—162. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-147-162.

Shepileva, O. E. (2019). Reflection of Phonetic Peculiarities of Dialect Speech of Old Residents of Far North-East of Russia in Historical and Ethnographic Texts. *Nauchnyi dialog*, 3: 147-162. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-147-162. (In Russ.).

УДК 811.161.1'282.2(571.56+571.65)+39:81'342.4

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-147-162

Отражение фонетических особенностей диалектной речи старожилов Крайнего Северо-Востока России в историко-этнографических текстах

© Шепилева Ольга Евгеньевна (2019), orcid.org/0000-0001-6480-3476, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Северо-Восточный государственный университет (Магадан, Россия), shep-ol@bk.ru.

Статья посвящена выявлению возможностей использования историко-этнографических источников для изучения живой диалектной речи. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения диалектного материала, часть которого сегодня уже является фактом истории языка. Новизна исследования видится в том, что каждый письменно засвидетельствованный языковой факт, вводимый в научный оборот, ценен, поскольку позволяет охарактеризовать сибирскую старожильскую речь или реконструировать диалектные явления прошлого. В работе предлагается обзор основных направлений, связанных с изучением русской старожильской речи на территории Крайнего Северо-Востока России. Поднимается вопрос о ценности текстов деловой письменности локального характера, позволяющих восстановить фонетические черты народной речи прошлого. Особое внимание уделяется как общим, так и частным замечаниям наблюдателей, фиксирующих своеобразие русской речи старожилов. Рассматриваются отдельные фонетические явления диалектного характера, получившие неоднократную фиксацию в рассматриваемых источниках. На примере отдельных языковых фрагментов доказана достоверность и содержательность лингвистического материала, представленного в историко-этнографической литературе о Крайнем Северо-Востоке России. В работе приводятся примеры, иллюстрирующие местные явления в речи старожилов, обосновывается ценность письменных источников для изучения живого диалектного материала.

Ключевые слова: Крайний Северо-Восток России; деловая письменность; историко-этнографический текст; русские старожильские говоры; фонетические явления.

1. Введение

Одним из актуальных направлений в области русской диалектологии по-прежнему остается разноаспектное изучение говоров территорий позднего заселения, к которым относятся старожильческие говоры Сибири. Общеизвестно, что они занимают особое место в русской диалектной системе, поскольку являются говорами вторичного происхождения, созданными на основе материнских диалектов европейской части России. Несмотря на то что процесс формирования русских старожильческих говоров на огромной территории Сибири относится к разным временным отрезкам (XVI — нач. XX вв.), в общих чертах все его этапы были схожи, поскольку отражали «историческую картину заселения, хозяйственного и культурного освоения этого региона русскими и специфику тех междиалектных (монолингвальных) и межъязыковых (полилингвальных) контактов русского и нерусского (коренного) населения, которые здесь возникали» [Лукиянова, 2012, с. 6].

Частью старожильческих сибирских говоров являются русские старожильческие говоры Крайнего Северо-Востока России, уникальность которых неоднократно подчеркивалась многими исследователями: оказавшись на столетия изолированными от влияния литературной речи и других форм существования языка (диалектов, просторечия), русские старожильческие говоры в течение долгого времени сумели сохранить многие архаичные признаки (например, говор с. Марково на Чукотке, говор с. Русское Устье, с. Походск в арктических районах Якутии, говор с. Тауйск, с. Ямск в Магаданской области и др.), а сами старожилы — свою самобытность: «Заброшенные в такой далекий край, лишенные в то время самых важных предметов первой необходимости, оторванные от “большого мира” и окруженные со всех сторон народностями Сибири, они [старожилы] сумели сохранить свой язык, культуру, обряды, песни», — отмечал Н. Г. Самсонов [Самсонов, 2008, с. 124].

Однако сегодня следует признать, что под воздействием литературного языка, речи поздних переселенцев и других факторов старожильческие говоры Крайнего Северо-Востока претерпели серьезные изменения: некоторые из говоров, по наблюдениям лингвистов, оказались практически либо полностью утраченными, см.: [Аникин, 2014, с. 205—206; Самсонов, 2008, с. 124; Соколянский, 2008, с. 20—21]. Произшедшие необратимые перемены, к большому сожалению для исследователей, навсегда изменили диалектный ландшафт Крайнего Северо-Востока.

В связи с этим особое значение приобретает, наряду с анализом современного состояния старожильческих говоров, диахроническое описание

речи старожилов, которое базируется в той или иной степени на сохранившихся аудиозаписях, экспедиционных материалах, записанных и расшифрованных диалектологами, а также региональных письменных источниках прошлого. В настоящее время необходимо понимать особую лингвистическую ценность каждого вводимого в научный оборот письменно засвидетельствованного факта, так или иначе характеризующего сибирскую старожильческую речь или позволяющего реконструировать диалектные явления прошлого. Вышеперечисленным объясняется актуальность и научная новизна настоящей работы.

2. Экспедиционные материалы как основной источник изучения живой диалектной речи

Общепринятым является мнение о том, что первоочередным источником при изучении диалектных явлений фонетического, лексического, грамматического уровней является живая запись естественно звучащей русской народной речи. Метод непосредственного наблюдения, прием эксперимента, опрос информанта, требующие от специалиста безупречного владения навыками работы с диалектоносителями, в полевых условиях прошли путь от обычной фиксации «от руки» до использования новейших технических средств. Данные научные приемы, широко применяющиеся в практике диалектологических экспедиций, позволяют исследователю зафиксировать разнообразные лингвистические явления регионального характера, а дальнейшая камеральная обработка полученных данных дает возможность с большой долей точности установить закономерность или эпизодичность тех или иных фактов в исследуемом говоре. Такие записи в свое время обеспечивали высокую достоверность полученных выводов и способствовали созданию богатейшего корпуса территориально обусловленных лингвистических данных, на основе которых впоследствии создавались лексикографические источники, диалектологические карты и атласы, монографические описания русских говоров.

Реалии сегодняшней жизни заставляют исследователей искать новые формы работы с имеющимся материалом, поэтому в настоящее время их усилия направлены на цифровую обработку собранных в течение многих лет сведений, создание электронных баз и картотек материалов, которые хранятся в архивах языковедческих кафедр различных учебных и научных заведений в виде фонотек, полевых экспедиционных тетрадей, паспортизованных рукописных словарных карточек, машинописных изданий.

3. Письменные источники и их значение для русской диалектологии

Другим не менее важным источником при изучении диалектных явлений русского языка являются письменные тексты различных разновидностей: тексты делового характера, архивные материалы, исторические сочинения, естественно-научные описания, этнографические исследования, фольклорные, художественные тексты и др.

Значение письменных источников для изучения русской диалектологии неоднократно подчеркивал С. И. Котков, с именем которого связаны теоретическая разработка лингвистического источниковедения как специальной дисциплины, выделение и обоснование терминологических единиц нового направления, разноаспектная классификация источников: «Необходимость проверки показаний современных говоров как вполне действительных для определенных исторических периодов настоятельно побуждает к интенсивной разработке исторической диалектологии на материале памятников письменности» [Котков, 1980, с. 238].

Письменные тексты локального характера, с одной стороны, содержат важные историко-этнографические сведения, с другой стороны, не лишены лингвистической содержательности, столь важной при реконструкции не только народного, но и литературного языка.

Прежде всего материалы письменных источников ареала Крайнего Северо-Востока России дают возможность отметить и проанализировать региональные особенности лексического характера. Лексика, отражающая специфические условия пребывания народа на названной территории, выделяется на общем культурно-историческом и лингвистическом фоне. Понимали это и различные исследователи, по разным причинам оказавшиеся на отдаленных территориях Российского государства. Благодаря самоотверженному труду этих авторов сегодня мы имеем возможность представить лексический состав старожильческих говоров или региональных вариантов русского языка в его историческом развитии.

Однако нельзя отрицать и того, что письменные источники способны в значительной степени дать представление и о фонетических особенностях русских старожильческих говоров.

4. Региональная деловая письменность как источник реконструкции диалектной речи

В отечественной лингвистической традиции попытки разработать научные принципы реконструкции живой народной речи связаны, прежде всего, с изучением текстов деловой письменности. «Именно деловая письменность является более или менее надежным источником живого на-

родно-разговорного языка; она может использоваться и довольно успешно используется в работах по исторической диалектологии», — отмечает Л. Ф. Копосов [Копосов, 2012, с. 21].

В полной мере это относится к деловой письменности сибирского ареала: с достаточной полнотой на основании анализа языка деловых документов описаны туруханские говоры [Цомакион, 1966], томский говор [Мазо, 1970], нерчинский говор [Христосенко, 1975] и др. Научно-исследовательский интерес к языку деловых памятников Сибири сохраняется и в настоящее время. Например, А. П. Майоров анализирует отражение народно-разговорной речи в региональных деловых документах XVIII века. По его мнению, собственно лингвистический потенциал и лингвоисторико-лингвистический анализ памятников забайкальской деловой письменности XVIII века позволяет восстановить достоверные черты звукового строя забайкальского региолекта указанного периода [Майоров, 2011, Майоров, 2013]. Данные деловых текстов Забайкальского региона используются также и Т. Ю. Игнатович, которая, сопоставляя их с диалектными фактами второй половины XX — начала XXI веков, стремится выявить основные тенденции развития диалектной фонетической системы [Игнатович, 2013].

Некоторые выводы относительно отражения фонетических явлений русской старожильческой речи в деловой документации Магаданской области первой трети XX века были сформулированы Л. Н. Хаховской и Ю. А. Резвухиной. Опираясь на исследование рукописных заявлений, прошений и других документов, хранящихся в Государственном архиве Магаданской области, исследователи отмечают диалектные черты, характерные для говоров населенных пунктов Охотоморского побережья, где исторически проживали носители старожильческих говоров: с. Балаганное, с. Тауйск, с. Армань, с. Ямск [Хаховская, 2003; Реззухина, 2016].

5. Отражение фактов живой диалектной речи в историко-этнографических текстах

Безусловно, ценность письменно засвидетельствованных в деловых текстах фактов живой диалектной речи неоспорима, однако, по нашему мнению, незаслуженно обойдена вниманием историко-этнографическая литература. Мы полагаем, что для фонетических исследований такие источники не могут считаться вполне состоятельными и признаваться абсолютно надежным и единственным источником при реконструкции состояния говоров, не могут во всем разнообразии и объеме передать особенности, бытовавшие в живой речи диалектоносителей, поэтому требуют к себе весьма критического отношения. В то же время не стоит забывать,

что, например, именно на материале текста подобного характера было написано авторитетнейшее исследование, без которого сегодня не обходится ни одно описание какого-нибудь сибирского говора и которое занимает важное место в истории диалектологических разысканий: речь идет о работе Н. П. Сокольникова «Болезни и рождение человека в селе Маркове на Анадыре» [Сокольников, 1911], которая стала одним из источников для «Диалектологического очерка Сибири» А. М. Селищева [Селищев, 1968]. Оговоримся, что в нашей работе материалы Н. П. Сокольникова используются эпизодично в силу их подробнейшего анализа А. М. Селищевым.

Следует признать, что сегодня тексты историко-этнографического направления способны стать дополнительным источником изучения живой диалектной речи, в особенности если речь заходит о таких фонетических явлениях, которые уже стали достоянием истории языка. Исследования современного состояния старожильческих говоров вкупе с письменно отмеченными языковыми данными дают богатый материал для лингвистических наблюдений. Более того, обращение к историко-этнографическим текстам, выявление в них замечаний об особенностях конкретного говора, попытка реконструкции его прошлого состояния — даже фрагментарно — вводит в научный оборот ценные лингвистические факты и расширяет возможности изучения русских старожильческих говоров в диахроническом аспекте.

В различных географических описаниях, историко-этнографических сочинениях, посвященных пребыванию некоренного жителя среди местного населения, имеются общие замечания о необычности сибирской старожильской речи. Немецкий исследователь К. Дитмар, побывав в середине XIX века в Гижигинске, описал языковую ситуацию там следующим образом: «Большая часть, какъ почти всѣ казачьи семьи, представляла помѣсь, возникшую отъ смѣшанныхъ браковъ русскихъ съ туземцами. Чистая русская рѣчь слышалась не часто; напротивъ, языкъ пересыпанъ чуждыми словами и оборотами и искаженъ инороднымъ выговоромъ. Особенно распространены языки коряцкій и тунгузскій; всѣ жители не только понимаютъ эти языки, но и бѣгло говорятъ на нихъ» [Дитмар, 1901, с. 423].

Историк Л. Н. Хаховская в монографии «Камчадалы Магаданской области» анализирует речь обруселого населения современной Гижиги, сохранившую фонетическое своеобразие: «В лексике камчадалов Магаданской области во множестве встречались диалектные слова и выражения. Все это, в сочетании с быстрым темпом речи и своеобразной интонацией, создавало впечатление незнакомого языка, и это часто отмечали очевидцы. Так, информатор из Гижиги М. Н. Калмыкова (1922 г. р.) сообщила нам,

что ее муж, приезжий из Астрахани, в 1950-х гг. долгое время не понимал ее разговоров с матерью, которые они вели на “камчадалском” языке. Информатор подчеркнула, что ей было очень сложно научиться правильно говорить по-русски. Уже в наши дни, встречаясь с земляками, она переходит на ту речь, которую усвоила с детства, и тогда “языку становится свободно”» [Хаховская, 2003, с. 221—222].

А. Л. Биркенгоф, участвовавший в конце 20-х годов XX века в научной экспедиции и побывавший на Индигирке, вспоминал: «Как-то в беседе, еще при первом знакомстве, ожогицы заметили мне, что, хотя мы и разговаривали “по-печатному”, но все же они нас понимают и мы их понимаем, а вот русскоустинцев-де мы понимать будем совсем плохо, так же как и они нас» [Биркенгоф, 1972, с. 49]. Интересно, что разница между речью местных жителей разных поселений сохранялась довольно долго. Так, например, П. Рябков в работе «Полярные страны Сибири (Заметки и наблюдения в Колымском округе)» отмечал в конце XIX века имевшиеся в речи жителей Средне- и Нижнеколымска различия: «Между рѣчью послѣдняго [среднеколымчанина] и низовика существуетъ такая же разница, какъ и между ихъ средними физическими типами. Разница эта образовалась, главнымъ образомъ, также подъ вліяніемъ двухъ народностей — юкагирской и якутской. По конструкціи языкъ среднеколымчанъ ближе подходитъ къ чистому русскому, чѣмъ языкъ низовика. Это понятно. Якуть вовсе не говорятъ по-русски и поэтому мало коснулся форм русскаго языка; здѣсь не было компромисса между двумя языками, и не выработался говоръ. Русскіе цѣликомъ взяли якутскій языкъ. Замѣтно только то, что русскій, говорящій по-якутски и неутратившій своего роднаго языка, внесъ въ послѣдній много якутскихъ словъ и далъ ему нѣкоторую якутскую фразировку и не совсѣмъ свойственное русской рѣчи построеніе» [Рябков, 1887, с. 16]. Десятилетием позже о разнице в говорах селений Колымского округа писал в своей работе «На Крайнем Северо-Востоке Сибири» И. В. Шкловский, известный под псевдонимом Дионео: «По берегамъ Колымы русскіе живутъ въ трехъ “городахъ”: Верхне-Колымскѣ, Средне-Колымскѣ и Нижне-Колымскѣ, да въ нѣсколькихъ поселкахъ, лежащихъ между послѣднимъ “городомъ” и Ледовитымъ океаномъ. Врядъ ли ошибусь, сказавъ, что каждое изъ этихъ поселеній составляетъ какъ бы особый кланъ, со своими обычаями и своимъ особымъ говоромъ, иногда даже языкомъ» [Дионео, 1895, с. 13]. Думается, Шкловский говорил, прежде всего, о разнице в произношении местных жителей. Именно фонетические диалектные особенности говоров Средне- и Нижнеколымска, объединенных В. Г. Богоразом в единое колымское наречие, были отмечены им в преди-

словии к «Областному словарю Колымского русского наречия», см. [Богораз, 1901, с. 4].

Главной отличительной чертой в речи жителей Нижнеколымска было так называемое *сладкоязычие*, достаточно полно освещенное А. А. Соколянским [см. Соколянский, 2002]. Сладкоязычием называется произношение [j] на месте [л], [л'], [р], [р'], за что говоры нижнего течения Колымы именовались исследователями сюсюкающими, сладкоязычными, похожими на детский лепет: «Языкъ этотъ сильно напоминаетъ какой-то не то дѣтскій лепетъ, не то какое-то сюсюканье, дикое и непривычное для россиянина-великоросса, за что нижнеколымчанъ и называютъ «сладкоязыкими» (сѣядко-языкій по-нижнеколымски). Буквы *р*, *л* совершенно ими не употребляются. Они вмѣсто “пришла” непременно скажутъ “пишься” или “писыя”, не “рыба”, а “иба» [Рябков, 1887, с. 16]; «Низовики говорятъ другъ съ другомъ только по-русски; но этотъ языкъ — какой-то дѣтскій лепетъ. Они не выговариваютъ буквы *л* (вмѣсто нее произносятся *я* или *и*), мѣшаютъ многія согласныя» [Дионео, 1895, с. 27]; «Русское наречие на реке Колыме, особенно на самом низу — сюсюкающее, сладкоязычное» [Богораз, 1934, с. 41].

Самое раннее упоминание о данном фонетическом явлении относится к 1872 году и связано с именем А. Трифонова. В «Заметках о Нижнеколымске» он характеризует выговор населения Нижнеколымска следующим образом: «Все коренные жители Нижнеколымска картавят: буквы *р* и *л* переменяют на *и*, *ю*, *е*, *ё*, *я*; *т* на *ч*. Так, вместо *рыба*, *ромъ*, *люди*, *ладно*, *тѣло*, *теленокъ*, у них выходит: *иба*, *ёмъ*, *юди*, *ядно*, *чѣе*, *чеенокъ*. Вот две три фразы нижнеколымского разговора: “Я съ бѣятомъ вчѣя ѣздій за дѣва-ми”, — “Мы тепей тойко пыѣхали съ ибою”. — “Я завѣя поѣду къ мою” (*я* с братом вчера ездил за дровами; мы теперь только приехали с рыбою; *я* завтра поеду к морю)» [Трифонов, 1872, с. 162]. Более подробное описание сладкоязычия оставил В. Г. Богораз в предисловии к «Областному словарю колымского русского наречия», зафиксировав сладкоязычное произношение многих диалектных лексических единиц [Богораз, 1901].

Данное явление в речи русских старожилов Крайнего Северо-Востока, пожалуй, самое часто упоминаемое исследователями. Этому есть объяснение: русским говорам европейской части России сладкоязычие не известно, более того, на огромнейшей территории Сибири и Крайнего Северо-Востока оно было зафиксировано только в двух населенных пунктах нижнего течения Колымы — в Нижнеколымске и Походске (пользуясь биологическим термином, сладкоязычие в полной мере можно было бы охарактеризовать как явление-эндемик). Поэтому вполне закономерно, что

именно оно первым попадало в поле зрения (точнее, слуха) наблюдателя: «Вотъ маленькій обращикъ того, какъ говорить коренной житель низовой Колымы: “Мать пьесвятая Богоѣдица, спаси и поміюй насъ, гѣсныхъ юдей!” Или: “И сто за пѣкытый наѣдъ”» [Рябков, 1887, с. 16]. Мы должны понимать, что, поскольку говор существует только в устной форме, основным средством, способным передать фонетическое своеобразие диалектной речи, становилось ее графико-орфографическое воспроизведение: «Что за климатъ въ этомъ краѣ! Зима со своими снѣговыми бурями тянется 9½ мѣсяцевъ. Затѣмъ 2½ мѣсяца стоитъ одна банная сырость, и это называется тамъ кіясное ѣто, т.е. красное лѣто...», — писал священник-миссионер А. Аргентов [Аргентов, 1979, с. 5]. «Пошья, пошья, матушка-Коима!» — говорятъ обыватели [Дионео, 1895, с. 16]; «Средневы считаютъ себя неизмѣримо выше ихъ [низовиковъ], уже хотя потому, что въ городѣ стыдятся носить кукашку, а непременно заводятъ себѣ “пайто” (пальто), родъ кургузой мѣховой курточки, покрытой варваретомъ (плисомъ) или молюскиномъ. Въ “пайто” средневецъ щеголяетъ по улицѣ» [Там же, с. 108]. «Русь мудрена, — говорили они, — а мы какая Русь, мы такъ себе, койымскій найод (колымскій народ)» [Богораз, 1934, с. 41].

Сегодня сладкоязычие — уже факт истории. Если в середине XX века оно еще спорадически отмечалось исследователями в ходе экспедиций, то в настоящее время можно говорить о полной его утрате в живой речи диалектоносителей.

Не менее заметным фонетическим явлением в русских старожильческих говорах Крайнего Северо-Востока является цоканье, под которым понимают неразличение фонем <ц> и <ч> и совпадение их в звуке [ц]. Цоканье отмечается текстами, территориально относящимися к различным северо-восточным областям. Оно зафиксировано авторами, в частности, в колымских говорах: «Муцится, Коима-матушка! — тоскливо говорятъ обыватели, как о женщинѣ, которая мучится въ потугахъ» [Дионео, 1895, с. 16]; «...какъ это русскіе іюди (люди) цудинокъ не боятся (цудинка, т. е. чудинка, привидѣніе)» [Там же, с. 94]; в марковском говоре: *циста молитва, имиряцки, цѣй, циво (чего)* и др., см.: [Сокольников, 1911].

Не ушли от внимания исследователей и весьма интересные примеры соканья и шоканья. «Соканье не является широко распространенным явлением в говорах европейской части России, в то время как в сибирских говорах и говорах Крайнего Северо-Востока оно распространено повсеместно. Оно зафиксировано в Магаданской области (Ямск, Тауйск, Гижига, Ола), в Чукотском АО (Марково, Усть-Белая, Анадырь), Камчатке (повсеместно там, где проживает старожильческое население), Якутии

(Походск, Среднеколымск, Нижнеколымск)» [Соколянский, 2016, с. 25]. Так, в приведенной ниже цитате, кроме сладкоязычия и цоканья, отмечается и соканье: «Этика нижнеколымских дам формулируется тезисомъ: Вѣнчаясь — не продаясь (т. е. вѣнчалась, а не продалась), а мужчинъ: Баба не каяць (т. е. калачь), одинъ не съѣсь» [Дионео, 1895, с. 27]. Большое количество примеров, отражающих соканье в устной речи марковцев, содержится в работе Н. П. Сокольников: *зар — жар, рузье — ружье, зывность — живность, саман — шаман, присол — пришил* и др. [Сокольников, 1911]. Оно, по свидетельству Л. Н. Хаховской, было характерно и для жителей Ямска: «Как видно из выявленных нами архивных документов, педагогический коллектив Ямской школы <...> отмечал, что у детей имеются большие трудности с русским разговорным языком. Большинство учащихся неправильно произносили многие слова: например, вместо “железо” — “зелезо”, “пошел” — “посол”, “пирожок” — “пиросок”» [Хаховская, 2003, с. 220].

Параллельно в речи старожилов отмечалось шоканье: «...вжаболъ (въ самомъ дѣлѣ) тебя шобаки въ Средно назадъ попрутъ!» [Дионео, 1895, с. 109]; «Скойко бутіекъ (бутылокъ) шпирту привезыи?» [Там же, с. 109]. Довольно часто диалектное произношение автор отмечал разрядкой или с помощью кавычек. «Девушки на вечеринке пели городской романс “Мой костер в тумане светит [разрядка Биркенгофа]” и другие. На рождество... из дома в дом ходили “машкированные”, в одиночку и компаниями. “Машкировались” просто — мужчины переодевались в женские платья, а женщины надевали мужской костюм», — писал Биркенгоф о жителях Русского Устья [Биркенгоф, 1972, с. 69].

В русских старожильческих говорах Крайнего Северо-Востока было зафиксировано еще одно интересное явление — произнесение [ч'] на месте [т']. Обыкновенно данная черта датируется исследователями концом XIX — началом XX веков. А. Трифионов, как упоминалось выше, писал о том, что слова *тѣло* и *теленокъ* жители Нижнеколымска произносят как *чѣ* и *чеенокъ* [Трифионов, 1872, с. 162]. Это же явление отмечено им в слове *чача*: «Ну, Ванька, говорить отецъ, будь такимъ же, какимъ былъ твой чача (тятя, отецъ)» [Там же]. «Такое произношение было распространено и за пределами поселений на реке Колыме. В музее поселка Марково хранятся рисунки конца XIX века, выполненные школьником Анкудиновым <...> Под рисунком *дятла* написано *дячель*, изображение *котла* сопровождается подписью *кочель*. Эти написания можно, наверное, интерпретировать различно, но самая очевидная интерпретация состоит в том, что в говоре села Марково конца XIX века на месте *т'* произносили

звук *ч'*», — отмечает А. А. Соколянский [Соколянский, 2016, с. 33—34]. В статье К. М. Браславца применительно к марковскому говору фиксируется сохранение данного явления в речи некоторых диалектоносителей в 60-х годах XX века: «В настоящее время можно с определенностью говорить о весьма значительной шипящей фрикации глухого *т* в речи отдельных лиц: чёча (тётя), чёшал (тесал), чёмно, “ниобизайчес, пожелачь успехов в рабоче” (из письма И. А. Дьячкова)» [Браславец, 1968, с. 85]. Произнесение [ч'] на месте [т'] в 1964 году было отмечено (правда, спорадически) в речи жительницы Русского Устья в ходе диалектологической экспедиции: «Ни валенки, ботинки, а я не носила: не любила их носить, не привикла. Чажи или канчи ми носили под торбаза, они чёплы» [Самсонов, 2007, с. 93]. Некоторые случаи были отмечены в речи старожилов Магаданской области: *чаха* — диал. *таха* (друг, приятель), *чежолый* — *тяжелый* [Хаховская, 2003, с. 221—222].

В рамках исследования мы остановились на фонетических явлениях, которые многократно фиксировались различными исследователями. За пределами анализа остались частные примеры, свидетельствующие, например, о билабиальном характере [в]: «А вот в Оймьяконе ... на Моме, там у якутов фамилии, обычные для них: Слепцовы («Слепцеп»), Винокуровы, Кривошапкины («Криуашапкины») и т. д.» [Биркенгоф, 1972, с. 25]; об укanye: «Лицо старика выражало полное недоверье; казалось, онъ соби́рался сказать «буйташь!» (т. е. болтаешь), да не рѣшался» [Дионео, 1895, с. 180]; об ослаблении категории твердости-мягкости согласных и утрате интервокального *j*: «...ми юди пойномошные (богатые), а ми работника нанима́мъ» [Дионео, 1895, с. 96].

Следует сказать, что нами не привлекались фольклорные тексты, которые, несомненно, также являются дополнительным источником изучения русской диалектной речи. Знакомство с такими текстами убеждает нас в том, что лингвистический материал, представленный в них, настолько богат, что требует к себе отдельного внимания.

6. Заключение

Таким образом, проведенный источниковедческий анализ показал, что историко-этнографические тексты содержат разнообразные сведения об особенностях устной речи старожильского населения Крайнего Северо-Востока России, что делает их ценнейшим источником для изучения сибирской диалектологии, хотя в большинстве своем авторы сочинений имели к лингвистике весьма косвенное отношение. Насколько надежны лингвистические факты, отраженные в проанализированных источниках?

Думается, что степень достоверности собранного диалектного материала можно установить, опираясь на целый корпус фактов, имеющихся сегодня в арсенале диалектологии: данные экспедиций, записи диалектной речи, изданные и рукописные лексикографические источники, различные лингвистические работы. Степень информативности текста может быть различной, но кропотливая и планомерная деятельность по обработке имеющихся источников исследования позволит установить, насколько возможно применение таких источников при реконструкции живой диалектной речи прошлого.

Источники

1. *Аргентов А.* Нижнеколымский край / А. Аргентов. — Санкт-Петербург, 1879. — 24 с.
2. *Биркенгоф А. Л.* Потомки землепроходцев. Воспоминания-очерки о русских поречанах низовьев и дельты реки Индигирки / А. Л. Биркенгоф. — Москва : Мысль, 1972. — 222 с.
3. *Богораз В. Г.* Областной словарь Колымского русского наречия / В. Г. Богораз. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1901. — 346 с.
4. *Богораз В. Г.* Чукчи / В. Г. Богораз. — Ленинград : Издательство Института народов Севера ЦИК СССР, 1934. — Ч. 1. — 192 с.
5. *Дионео.* На Крайнем Северо-Востоке Сибири / Дионео. — Санкт-Петербург, 1895. — 287 с.
6. *Дитмар К.* Поездка и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. Карла фон-Дитмара ; пер. с немецкого С. М. Герценштейна, П. П. Шалфеева / К. Дитмар. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1901. — Ч. 1. — 756 с.
7. *Рябков П.* Полярные страны Сибири (Заметки и наблюдения в Колымском округе) / П. Рябков // Сибирский сборник. — Санкт-Петербург, 1887. — С. 1—42.
8. *Сокольников Н. П.* Болезни и рождение человека в с. Маркове на Анадыре / Н. П. Сокольников // Этнографическое обозрение. — 1911. — № 34. — С. 71—172.
9. *Трифонов А.* Заметки о Нижнеколымске / А. Трифонов // Известия Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. — 1872. — Т. 3, № 3. — С. 160—167.

Литература

1. *Аникин А. Е.* К истории и типологии русских старожильческих говоров Сибири / А. Е. Аникин // Сибирский филологический журнал. — 2014. — № 1. — С. 205—210.
2. *Браславец К. М.* Фонетические черты говора обрусевших чуванцев / К. М. Браславец // Материалы межвузовской научной конференции по проблемам советской литературы, фольклора и говоров Дальнего Востока. — Хабаровск : ХГПИ, 1968. — С. 76—85.

3. *Игнатович Т. Ю.* Восточнозбайкальские говоры севернорусского происхождения в синхронном и диахронном аспектах (на материале фонетики и морфологии) : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Т. Ю. Игнатович. — Улан-Удэ, 2013. — 49 с.

4. *Копосов Л. Ф.* Лингвистическое источниковедение: история и современное состояние / Л. Ф. Копосов // Вестник МГОУ. Серия, Русская филология. — 2012. — № 3. — С. 20—24.

5. *Котков С. И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка / С. И. Котков. — Москва : Наука, 1980. — 294 с.

6. *Лукьянова Н. А.* Сибирские говоры в общей системе русских народных говоров / Н. А. Лукьянова // Вестник НГУ. Серия, История, филология. — 2012. — Т. 11, Вып. 2: Филология. — С. 5—13.

7. *Мазо С. Э.* Язык деловых документов XVII в. г. Томска (фонетика и морфология) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / С. Э. Мазо. — Томск, 1970. — 19 с.

8. *Майоров А. П.* Отражение в региональной деловой письменности XVIII в. фонетических явлений в области согласных русского языка / А. П. Майоров // Вестник Бурятского государственного университета. — 2013. — № 10. — С. 66—69.

9. *Майоров А. П.* Памятники региональной деловой письменности XVIII в. как источник народно-разговорной речи / А. П. Майоров // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. — 2011. — № 2. — С. 280—283.

10. *Резвухина Ю. А.* Использование архивных документов в региональных лингвистических исследованиях / Ю. А. Резвухина // Региональная лингвистика (Крайний Северо-Восток России) : учебное пособие / под ред. А. А. Соколянского. — Магадан : СВГУ, 2016. — С. 191—210.

11. *Самсонов Н. Г.* Русское слово / Н. Г. Самсонов, Л. Н. Самсонова. — Якутск, 2007. — 176 с.

12. *Самсонов Н. Г.* Уникальный памятник / Н. Г. Самсонов // Вестник ЯГУ. — 2008. — Т. 5, № 3. — С. 124—125.

13. *Селищев А. М.* Дialectологический очерк Сибири / А. М. Селищев // Избранные труды. — Москва : Просвещение, 1968. — С. 223—375.

14. *Соколянский А. А.* Проблемы региональной лингвистики Крайнего Северо-Востока России / А. А. Соколянский // Крайний Северо-Восток в зеркале региональной лингвистики : сборник научных статей. — Магадан : Новая полиграфия, 2008. — С. 4—42.

15. *Соколянский А. А.* «Сладкоязычие» в русских говорах / А. А. Соколянский // Проблемы фонетики : сборник статей / отв. ред. Р. Ф. Касаткина. — Москва : Наука, 2002. — Вып. 4. — С. 269—283.

16. *Соколянский А. А.* Фонетическая система русских старожильческих говоров Крайнего Северо-Востока России / А. А. Соколянский // Региональная лингвистика (Крайний Северо-Восток России) : учебное пособие. — Магадан : СВГУ, 2016. — С. 11—37.

17. *Хаховская Л. Н.* Камчадалы Магаданской области / Л. Н. Хаховская. — Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2003. — 325 с.

18. *Христосенко Г. А.* Фонетическая система языка нерчинской деловой письменности второй половины XVII — первой половины XVIII вв. : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Г. А. Христосенко. — Красноярск, 1975. — 16 с.

19. *Цомакион Н. А.* Туруханские говоры в их истории и современном состоянии / Н. А. Цомакион. — Красноярск : Книжное издательство, 1966. — 494 с.

Reflection of Phonetic Peculiarities of Dialect Speech of Old Residents of Far North-East of Russia in Historical and Ethnographic Texts

© *Shepileva Olga Evgenyevna* (2019), orcid.org/0000-0001-6480-3476, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Philology and Journalism, North-Eastern State University (Magadan, Russia), shep-ol@bk.ru.

The article is devoted to identifying the possibilities of using historical and ethnographic sources for the study of living dialect speech. The relevance of the study is due to the need to study dialect material, part of which today is a fact of the history of the language. The novelty of the research is seen in the fact that each written language fact introduced into scientific circulation is valuable, because it allows to characterize the Siberian starozhilchesky speech or to reconstruct dialect phenomena of the past. The paper provides an overview of the main directions related to the study of Russian starozhilchesky speech in the Far North-East of Russia. The author raises the question of the value of the texts of local business writing, allowing to restore the phonetic features of the folk speech of the past. Special attention is paid to both general and specific notes of observers who recorded the originality of the Russian starozhilchesky speech. Some phonetic phenomena of dialect nature, which received repeated fixation in the considered sources, are considered. On the example of separate language fragments the author proves the reliability and content of linguistic material presented in the historical and ethnographic literature about the Far North-East of Russia. The paper gives examples illustrating local phenomena in the starozhilchesky speech, substantiates the value of written sources for the study of living dialect material.

Key words: Far North-East of Russia; business writing; historical and ethnographic text; Russian starozhilchesky dialects; phonetic phenomena.

Material resources

Argentov, A. (1879). *Nizhnekolymskiy kray*. Sankt-Peterburg. (In Russ.).

Birkengof, A. L. (1972). *Potomki zemleprokhodtsev. Vospominaniya-ocherki o russkikh porechanakh nizovev i delty reki Indigirki*. Moskva: Mysl. (In Russ.).

Bogoraz, V. G. (1901). *Oblastnoy slovar' Kolymского russkogo narechiya*. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. (In Russ.).

- Bogoraz, V. G. (1934). *Chukchi. I*. Leningrad: Izdatelstvo Instituta narodov Severa TsIK SSSR. (In Russ.).
- Dioneo. (1895). *Na Kraynem Severo-Vostoke Sibiri*. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- Ditmar, K. (1901). *Poyezdka i prebyvaniye v Kamchatke v 1851—1855 gg. Karla fon-Ditmara. I*. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. (In Russ.).
- Ryabkov, P. (1887). Polyarnyye strany Sibiri (Zametki i nablyudeniya v Kolymskom okruge). In: *Sibirskiy sbornik*. Sankt-Peterburg. 1—42. (In Russ.).
- Sokolnikov, N. P. (1911). Bolezni i rozhdeniye cheloveka v s. Markove na Anadyre. *Etnograficheskoye obozreniye*, 34: 71—172. (In Russ.).
- Trifonov, A. (1872). Zametki o Nizhnekolymске. *Izvestiya Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*, 3/3: 160—167. (In Russ.).

References

- Anikin, A. E. (2014). K istorii i tipologii russkikh starozhilcheskikh govorov Sibiri. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*, 1: 205—210. (In Russ.).
- Braslavets, K. M. (1968). Foneticheskiye cherty govora obrusevshikh chuvantsev. In: *Materialy mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii po problemam sovetskoy literatury, folkloru i govorov Dalnego Vostoka*. Khabarovsk: KhGPI. 76—85. (In Russ.).
- Ignatovich, T. Yu. (2013). *Vostochnozabaykalskiye govory severnorusskogo proiskhozhdeniya v sinkhronnom i diakhronnom aspektakh (na materiale fonetiki i morfologii): avtoreferat dissertatsii... doktora filologicheskikh nauk*. Ulan-Ude. (In Russ.).
- Khakhovskaya, L. N. (2003). *Kamchadaly Magadanskoy oblasti*. Magadan: SVKNII DVO RAN. (In Russ.).
- Khrustosenko, G. A. (1975). *Foneticheskaya sistema yazyka nerchinskoy delovoy pismennosti vtoroy poloviny XVII — pervoy poloviny XVIII vv.: avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk*. Krasnoyarsk. (In Russ.).
- Koposov, L. F. (2012). Lingvisticheskoye istochnikovedeniye: istoriya i sovremennoye sostoyaniye. *Vestnik MGOU. Seriya, Russkaya filologiya*, 3: 20—24. (In Russ.).
- Kotkov, S. I. (1980). *Lingvisticheskoye istochnikovedeniye i istoriya russkogo yazyka*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Lukyanova, N. A. (2012). Sibirskiy govory v obshchey sisteme russkikh narodnykh govorov. *Vestnik NGU. Seriya, Istoriya, filologiya*, 11/2: *Filologiya*: 5—13. (In Russ.).
- Mayorov, A. P. (2011). Pamyatniki regionalnoy delovoy pismennosti XVIII v. kak istochnik narodno-razgovornoy rechi. *Interpretatsiya teksta: lingvisticheskiy, literaturovedcheskiy i metodicheskiy aspekty*, 2: 280—283. (In Russ.).
- Mayorov, A. P. (2013). Otrazheniye v regionalnoy delovoy pis'mennosti XVIII v. foneticheskikh yavleniy v oblasti soglasnykh russkogo yazyka. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 10: 66—69. (In Russ.).

- Mazo, S. E. (1970). *Yazyk delovykh dokumentov XVII v. g. Tomsk (fonetika i morfologiya): avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk*. Tomsk. (In Russ.).
- Rezvukhina, Yu. A. (2016). Ispolzovaniye arkhivnykh dokumentov v regionalnykh lingvisticheskikh issledovaniyakh. In: Sokolyanskiy, A. A. (ed.). *Regionalnaya lingvistika (Krayniy Severo-Vostok Rossii): uchebnoye posobiye*. Magadan: SVGU. 191—210. (In Russ.).
- Samsonov, N. G. (2008). Unikalnyy pamyatnik. *Vestnik YaGU*, 5/3: 124—125. (In Russ.).
- Samsonov, N. G., Samsonova, L. N. (2007). *Russkoye slovo*. Yakutsk. (In Russ.).
- Selishchev, A. M. (1968). Dialektologicheskoy ocherk Sibiri. In: *Izbrannyye trudy*. Moskva: Prosveshcheniye. 223—375. (In Russ.).
- Sokolyanskiy, A. A. (2002). «Sladkoyazychiye» v russkikh govorakh. 4. In: Kasatkina, R. F. (ed.). *Problemy fonetiki: sbornik statey*. Moskva: Nauka. 269—283. (In Russ.).
- Sokolyanskiy, A. A. (2008). Problemy regionalnoy lingvistiki Kraynego Severo-Vostoka Rossii. In: *Krayniy Severo-Vostok v zerkale regionalnoy lingvistiki: sbornik nauchnykh statey*. Magadan: Novaya poligrafiya. 4—42. (In Russ.).
- Sokolyanskiy, A. A. (2016). Foneticheskaya sistema russkikh starozhilcheskikh govorov Kraynego Severo-Vostoka Rossii. In: *Regionalnaya lingvistika (Krayniy Severo-Vostok Rossii): uchebnoye posobiye*. Magadan: SVGU. 11—37. (In Russ.).
- Tsomakion, H. A. (1966). *Turukhanskiye govory v ikh istorii i sovremennom sostoyanii*. Krasnoyarsk: Knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).